

Киплинг Редьярд

Избранные стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Р33

Р33 **Редьярд К.**
Избранные стихи / Киплинг Редьярд – М.: Книга по Требованию, 2022. –
274 с.

ISBN 978-5-519-89053-3

ISBN 978-5-519-89053-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЭЗИЯ РЕДИАРДА КИПЛИНГА¹

I

*Я пил вашу воду и пил вино,
Я ел ваш хлеб и ел вашу соль,
Я был с вами рядом под огненным градом,
Я с вами прошел через радость и боль.*

Р. Киплинг. «Департаментские песни».

Так говорит о себе Редиярд Киплинг, обращаясь к «безыменным строителям империи» — туземнорожденным, англо-индийцам, «галерным рабам» рабладельческого пиратского корабля — Британии.

Военный корреспондент, автор солдатских песен, с эпическим спокойствием передавший муки, тоску и ужас Томми Аткинса и пославший его на смерть, апологет авантюриста, шпиона, «отверженного» цивилизованным миром палача на службе империи, — он был подлинным, политическим поэтом британского империализма.

Воинствующий пуританин, миссионер и проповедник «священной миссии избранного народа», с Библией и мечом, с панцырем под рясой, толкующий Библию как книгу национальной и расовой нена-

¹ Родился в 1865 г. в Бомбее (Индия), умер в марте 1936 г. в Англии. Первая книга стихов — «Департаментские песни» — вышла в 1886 году. Расцвет творчества Киплинга приходится на 90-е гг. прошлого века и первые годы XX столетия.

висти, — в своей поэзии он создал апофеоз грабежа, убийства, насилия, зверства.

Сказочник, влюбленный в отдаленные доисторические времена, рассказавший о молодой земле; мастер дикарских космогоний и животного эпоса, свободно черпавший из недр первобытного мифологического сознания, — он призывал западного человека сбросить ветхую зменную кожу цивилизации и провозглашал «закон джунглей», звериную борьбу за существование, основанием кодекса нового человечества.

Пафос поэзии Редьярда Киплинга, это — пафос насильственного порабощения «цветных» и «добровольного» рабства белых, в мрачных трюмах галеры единой «Владычицы морей», всемирной Британской империи.

*Протянем же кабель (взяты!)
От Оркнея до Горна и звезд,
Вокруг всей планеты (с петлею, чтоб мир захлестнуть!),
Вокруг всей планеты (с узлами, чтоб мир затянуть!).*

II

*Острова мы окрасили красным,
За жемчугом шли на дно,
Ликовали над самородком,
Жили голодно и бедно;*

*Мы смеялись над миром: мужчины,
Города и женщины — плен!*

*Тост (его мы тихонько выпьем)
За безымянный сброд,
За наших предтеч безымянных,
Джентльменский пиратский род.*

Р. Киплинг „Потерянный легион“.

Видение «Великой Англии» проникнуто тоской по хищнической, преступной юности капитализма и стремлением к ее возрождению.

В «Мэри Глостер» и «Гимне Мак-Эндрю» Киплинг славит буржуазный миропорядок эпохи начала империализма, поколение пионеров, «доисторических гигантов колониального предпринимательства». Предсмертная исповедь сэра Антонн Глостера — социальная биография этого поколения, своеобразный «героический эпос старших богатырей», где сквозь сухой и четкий стук цифр и технических терминов прорывается боль о гибели «старой Англии», гнев и скорбь о вырождении старинной породы завоевателей и строителей, чернорабочих палаческого дела, фанатиков Империи.

Монолог Мак-Эндрю, паровозного механика и кальвиниста, называющего себя творцом мира машин, а бога — механиком космоса, — это гимн первым встречам с машинами и неведомыми континентами, воинствующему пуританству, готовящемуся к завоеванию мира.

В этих балладах впервые зазвучали со всей силой конструктивистские тенденции Киплинга. Создается деловой стиль, изобилующий эконоимическими и техническими терминами, цифрами статистических выкладок, названиями частей машин и производственных процессов. Возникает стремление к точной фонетической и диалектической записи живой речи. Так черта за чертой, с стремлением к максимальной точности, реконструируется героизированный тип старшего поколения империалистической буржуазии Англии.

У «Героическому» поколению империалистической буржуазии Киплинг противопоставляет выродившихся «цивилизованных» потомков, яростным презрением клеймя «преждевременную дряхлость» своего класса. В балладе «Томлинсон» он рисует по весь

рост портрет «жителя Берклен-сквера», с «душой, вычитанной из книг», «ноющего вора, укравшего человеческий наряд». Старинная мильтоновская легенда о падших ангелах, которых отвергло небо и ад не приняла, — символ покаяния, пораженного безверием: безыдейностью, творческим бесплодием, — здесь рассказана в виде церковной притчи, приемами ярко раскрашенного народного лубка:

Ты читал, ты слышал, ты думал, но толку в сказе нет:
Во имя плоти, что ты имел, о делах своих дай отчет.
Если ты вправду отродье земли, то в упадке Адамов род...
Ты не дух и ты не гном, ты не книга и ты не зверь,
Не позорь же доброй славы людей, воплотись еще раз теперь.

В стихотворении «Купцы» современный английский капитан торгового судна превращается в наследником и преемником конкистадоров, мореплавателей и завоевателей древности. Он плавает в сказочных морях, кишаших чудовищами и духами, встречает корабли-призраки, управляемые мертвым экипажем, сталкивается с Летучим Голландцем в центре багрового смерча и берет на борт призраков во мгле мятелей Мыса Духов. Он пиратствует, грабит встречные суда, убивая и обращая в рабство команду; и вновь открывает первозданную землю, Океан древних эллинов, обтекающий «земной круг»:

Мы обошли всю карту,
Все новые пути,
Нам острова светили,
Которых не найти.

Этот купец, капитан или офицер колониальных войск, пират и контрабандист или начальник кара-

тельной экспедиции, человек-зверь в единоборстве со стихией или с хищником-врагом, — становится центральным образом баллад Киплинга.

Беззастенчивая апология морского разбоя, былинный сказ о подвигах знаменитых пиратов («Стихи о трех капитанах»); ночная резня в портовом кабаке, борьба разгоряченных самцов за женщину («Баллада о ночлежке Фишера»); борьба человека с природой, кучки моряков на утлом, полуразрушенном суденышке — с зимними штормами северных морей, пафос служения торговой фирме, быть может, воодушевлявший некогда верных слуг Ост-Индской компании в ее колониях, — таковы темы морских баллад Киплинга.

Но подлинный «героический эпос пиратства» — это «Стихи о трех котиколовах», о смертном бое пиратских шхун, под светом «ночных планет» и льдов, там, где «бог, обрывающий айсберги и в море ведущий лед, слышит, как плачет лисенок и ветер в снегах поет». Это — возвращение доисторических времен, слепой бой телом к телу двух пещерных людей на льдине, где трупы обоих остаются среди ландшафта ледникового периода.

Заключительные строфы эпической поэмы о котиколовах — гимн пиратам арктических морей:

Малым вперед, как вел их лот, солнце в тумане все дни, —
Из мрака в мрак, на риск каждый шаг, дали, как Беринг, они.
И вел их свет ночных планет, карта северных звезд,
На норд-норд-вест, Западный крест, за ними Блианцов Мост...
Айсбергов треск и китов плеск чуяли сквозь туман,
И котиков рев от берегов, слышный и в ураган,
И ярость ветров меж островов (ее там зовут пургой),
Где на север — остров Георгия, на запад — Павел Святой,
И здесь и там встречным судам привет салал пиратский флот.

Бой пиратских шхун из-за добычи возвращает к временам борьбы за мировое господство великих торговых держав. Эпизод из повседневной жизни колониальных будней вдвигается в рамки воображаемой исторической перспективы, строятся параллели с эпохой начала капиталистической эры, героизированный образ прошлого как бы наплывом движется на настоящее, покрывая и вытесняя его. Так из романтизации истории капитализма рождается киплинговская баллада, романтическая и историческая одновременно.

«Даль веков», «дымка времени» в балладе Киплинга — это ее символический пейзаж. Мир остается таким, каким он представлялся человеку эпохи великих географических открытий. Географический пейзаж точно реконструируется по фантастическим морским картам той эпохи, с белыми пятнами неисследованных земель, чертежами новых великих морских путей, с островами и материками сказочных богатств, скрытыми где-то у бесконечно отступающего «края земли».

Восточный эпос Киплинга («Баллада о царской милости», «Баллада о царской шутке» и «Баллада о Западе и Востоке») посвящен создаваемой колонизаторами расовой ненависти цветного и белого человечества, борьбе Востока и Запада и их предполагаемому примирению в лоне единого рабства «нового цезаризма». Герой этих баллад — военно-феодальный вождь, самодержавный царек отсталых туземных племен — прообраз грядущего диктатора «Великой Англии». Ибо, по мысли Киплинга, на Западе близится возрождение в мировых масштабах восточной древнеазиатской деспотии, как идеальной формы правления мировой империи будущего. Поистине «братски» об-

меняются дарами Восток и Запад: Запад приносит ужасы колониального рабства по всем правилам европейской военной техники; но Восток, — утверждает Киплинг, — заронит в западные земли семена древних военно-феодалных деспотий Ассирии и Персии.

Так творчество Киплинга несет в себе зародыши идей английского фашизма.

В эпоху роста интернациональной солидарности пролетариата, нарастания революционного движения в колониях, развития и укрепления идей братского союза народов Запада и Востока в революционной борьбе, — киплинговская проповедь неискоренимой вражды Запада и Востока звучит призывом к новой империалистической войне. Призывая к беззащитной эксплоатации восточных народностей, к «политике денет и меча», разорению и физическому уничтожению целых племен, оправдывая самые грязные и черные дела во имя торжества британского империализма, — Киплинг видит на Востоке постоянную угрозу западному миру. Ему недоступны подлинные картины будущего человечества, ставшего настоящим в стране социализма, — единая семья трудящихся всех народов Запада и Востока, взаимное обогащение и плодотворное сотрудничество национальных культур в строительстве всечеловеческой социалистической культуры.

Восточная баллада Киплинга дидактична и мрачна: в форму восточного эпоса, пронизанного глубоким фатализмом, выливается вера Киплинга в всемирную империю грядущего. Эта идея кристаллизуется в остро отточенной и патетической форме четкого политического афоризма, обрамляющего балладу или повторяющегося рефреном на всем ее протяжении. Она рас-

крывается в самой балладе, построенной либо в виде дидактической притчи, ~~вставной~~ новеллы, импровизируемой рассказчиком на пиру купцов, либо главы из кровавой летописи царствования туземного царька, из истории восстания против англичан одного из князей. Бесстрастный эпический тон рассказчика словно заимствован из «Тысячи и одной ночи».

Таков подлинный смысл лейтмотива баллад Киплинга:

*О, Запад есть Запад и Восток есть Восток, и с места они
не сойдут,
Пока не предстанет небо с землей на старинный господень суд.*

III

*Роса туман, флага целовала, туман его
прятал седой,
В краю обнаженных созвездий он
несся попутной звездой,
Флаг Англии! Ветра дыханье навстре-
чу бросается вам,
Но вам маточам, — вы пройдете к
нему по кипящим морям.
Вперед ж, смелее, — он там!*

Р. Киплинг. „Английский флаг“.

Так ветры широт, волны океанов и звезды небес — все стихии мироздания приносят присягу английскому флагу в поэзии Киплинга.

Человек, природа и техника сливаются в единое целое, связанные идеей «строительства Британской империи»...

Так рождается хоровая песнь у Киплинга, — песнь городов и стран, морей и земель, широт и бурь, народов и рас. Мощные хоры сливаются в единую хор-

тую поэму-драму, некое аллегорическое, возрождающее средневековую народную мистерию, массовое действо.

Библия становится для Киплинга книгой пророчеств об исторических судьбах и священной миссии западного человечества. «Избранный народ иудейский» — избранничество англо-саксонской расы; скитания в пустыне в поисках «земли обетованной» — странствия в борьбе за мировое господство далекой родины; священные войны детей Сиона и детей Ваала — колониальные и империалистические войны. Бог Киплинга — бог ярости и мести, древний кровавый Ягве, утверждающий свое господство над миром и грозящий библейскими карами своему народу за измену его предназначению:

Земля дрожит от гнева,
И темен океан,
Пути нам преградили
Дни враждебных стран.
Когда пустыни диким
Нас потеснят враги,
Иегова, гром небесный,
Бог Сечи, помоги!

Идея создания рабовладельческой империи на костях цветных народов передается из поколения в поколение, подобно тому, как основатели древних деспотий завещали своим потомкам развалины утопических городов и дворцов — символ их тиранической власти («Дворец»):

Но надпись послала дерево, камень, металл:
Вслед за мною идет строитель. Скажите ему — я знал.

По мысли Киплинга, мировое господство предназначено «сынам Марии», белым людям, «расе господ»; им свыше дарована неограниченная власть над

«сынами Марфы», цветными «расами рабов», окрашивающими собственной кровью каждую тропинку и путях своих братьев, каждый камень их строительства.

Народ, изменивший своей миссии, пораженный безумием, уверовавший в свободу, равенство, братство и открывший ворота врагам, — утверждает Киплинг, — будет предан огню и мечу, и рабству, горшему смерти; его площади зарастут травой, его дворцы охватит «мерзость запустения» и страна превратится в пустыню («Бронзовый город»). «Их военачальников и судей да поразит проказа, да станут они отверженными среди рода человеческого» («Гехазин»). «Некогда был народ, и о погибшем владычестве его ты будешь вечно рыдать, глядя на его творения».

Так весь этот цикл протекает под знаком возрождения средневековой народной мистерии, библейских сказаний и гимнов.

Язык Киплинга здесь торжественный, патетический, насыщенный ветхозаветными архаизмами и риторическими фигурами, язык гимна, проповеди и духовной оды. Вся образная система аллегорична, проникнута церковной символикой. Таков, например, символический пейзаж этого цикла — пустыня, по которой когует избранный народ в поисках земли обетованной, бесконечный путь, усталый костями воинов и пионеров.

Реакционная политическая мысль Киплинга облекается в реакционные архаические формы. Киплинга привлекает своеобразная «демократичность», популярность этих жанров, их агитационная действенность.

Если библейская символика в начале XIX в. в творчестве утопических социалистов еще воплощала ре-